

Переводы для «Вертикали. XXI век»

Душица
МИЛАНОВИЧ
МАРИКА

ОБ АВТОРЕ

Душица Миланович Марика родилась в Сокобане, Белград, Сербия начала там свое образование, которое продолжила в Пироте, Призрене и в Белграде, где окончила отделение сербской литературы и языка на филологическом факультете. По мотивам ее первого романа «Дукат и дикая полынь» («Зона Замфирова — Что было дальше») был создан сценарий фильма «Зона Замфирова, вторая часть», премьера которого состоялась в январе 2017 года. В рамках Власинового лета, в июле 2014 года, во Власине был показан драматическо-музыкальный спектакль «Вернисе, Зона» по мотивам романа «Дукат и дикая полынь» («Зона Замфирова - Что было потом»). Она опубликовала под псевдонимом Стевана Сремак: «Зона Замфирова - Что было дальше» (2005) и второе, киосковое издание этого романа, Белград, 2005; «Капля женской крови», сборник волшебных историй, Белград, 2006 г.; «Слово прощения», сборник городских рассказов, Белград, 2007 г.. Она опубликовала под своим именем: «Черная кровь», песни, Белград, 2010 г.; «Праздник Великого Князя», роман, Белград, 2012 г.; «Небесные письма» (о святых Кирилле и Мефодии), иллюстрированное, двуязычное, сербско-русское издание, Белград, 2012 г.; «Коллекция Кирилла и Мефодия/Венок Кирилла и Мефодия», второе, дополненное издание книги о святых братьях, Белград, 2013 г.; «Праздник князя Владимира», второе, дополненное издание, Белград, 2014 г.; «Небесные письма — книга о святых равноапостольных Кирилле и Мефодии», Нижний Новгород, Россия, 2015 г.; «Дукат и дикая полынь», (дополненное издание романа «Зона Замфирова — Что было дальше»), Белград, 2015 г.; «Исповедь Зоны Замфирова», роман, библиофильское издание, Белград, 2017 г.; «Сердце цыганского бога», Белград, 2018 г.; «Сердце цыганского Бога», Amazon, 2020 г.; «Седьмой орел и дракон Краины», двуязычное сербско-английское издание с иллюстрациями автора Сокобани, 2021 г.: роман «Исповедь Зоны Замфировой», Белград, 2022 г.; «Грешная женщина», роман, Пирот, 2023 г.

Публикует прозу и стихи в литературной периодике, а также переводы с русского языка. В переводе с русского языка также издана детская книга Владимира Чугунова «Деревенька», иллюстрированное издание, Крагуевац, 2016 г.; «Мечтатель», («Мечтатель», Владимир Чугунов) перевод с русского, издание 2022 года. Дерета, Белград. Роман представлен в сборниках и антологиях. Она одна из инициаторов празднования Дня Кирилла и Мефодия в Сербии (с 2011 года).

Душица Миланович Марика является обладателем многочисленных наград и признаний, таких как: «Перо мастера», Вршац; Золотая Хартия Музея цыганской культуры в Белграде; Золотой диплом Международного конкурса «Золотой Витязь» в Севастополе; Диплом «Уральское Искусство» в Екатеринбурге, Золотая табличка проф. Райко Джурича от Ассоциации писателей-рома при поддержке правительства Республики Сербия, Министерства культуры и информации и Министерства по правам человека и меньшинств; Золотой знак Культурно-просветительского сообщества Сербии... Член Ассоциации писателей Сербии, Ассоциации литературных переводчиков Сербии и SOKOJ. В журнале «Вертикаль. XXI век» № 49, 2016 г. в переводе Валерия Сдобнякова опубликован её рассказ «Подарки». Живёт в Белграде, Сокобанье и по всему миру.

НИ ВО СНЕ, НИ НАЯВУ

Рассказ

По дороге через деревню шёл пьяный Арса.

Путник был уже не молод, но ещё и не стар. Его невысокий рост и худоба тела говорили о физической немощи. Лицо одутловато, глаза беспокойно поглядывали по сторонам, словно путник ожидал каждую минуту несправедливой обиды от окружающих.

Арса выглядел старше своих лет, и многое было тому виной.

Как обычно, он рано проснулся, встал, оделся, натянул на голову шерстяную шапочку, которая от времени и не бережливости из бывшей когда-то белой превратилась почти в чёрную.

Своим неухоженным, неопрятным и опустившимся видом Арса давно вызывал неудовольствие жителей деревни. Его не любили и даже презирали. Услышав, как он, идя по улице, в очередной раз напившись вина, поёт нетрезвым голосом грустную песню, местные женщины ругались, вскидывали в сторону Арсы руки с растопыренными, в знак проклятия, пальцами. Мужчины осуждающе горько качали головами. Все знали: значит, снова несчастный уснёт на окраине деревни в конце дороги. Дети, завидев опустившегося пьяницу, бегали за ним, хватая за полы линялого пальто. Арса ругался и шёл дальше, не оглядываясь, словно забыл о кричащей и смеющейся ребячьей ватаге. Но дети не отставали, пока не добирался Арса до перекрёстка дорог, одна из которых вела к его дому. Там он ложился на землю, свернувшись калачиком, и укрывшись снятым с себя пальто, засыпал. Так происходило и зимой, и летом. Все в деревне к этому привыкли.

Лишь жена всякий раз отыскивала своего непутёвого мужа. Бедная женщина, переживая, каждый день со страхом смотрела в окно на дорогу: что-то будет на этот раз?

Зимой некоторые люди ещё сочувствовали Арсе. Ради того, чтобы он не замёрз, поднимали его с земли, отвозили на телеге к дому. Летом же обычно оставляли там, где он заснёт. Так происходило всякий раз, когда Арсе удавалось что-то тайком от жены украсть из дома, отвезти сворованное в город, там продать, а деньги пропить.

По субботам в деревню обычно приезжает Магда — молодая цыганка с телом крачки и глазами, тёмными и яркими, как ночное летнее небо. Она продаёт разноцветные шарфы и гадает женщинам по ладоням. Увидев Арсу спящим, цыганка тайком выворачивает его карманы. Но делала это не ради воровства, а из любопытства. Магда знает, что у пьяного нет денег, он все их потратил в городе на вино. Она если что-то и находит, то лишь чтобы посмотреть и вновь вернуть в тот же карман грязных штанов. Затем она заставит Арсу подняться, и, придерживая его, отведёт от холодного камня, заросшего зелёным мхом. Напившись, Арса всегда сидит на земле, прислонившись спиной к этому камню. Магде жалко пьяницу. Чтобы камень не выпил его последние жизненные силы, она отводит Арсу подальше от дороги в безопасное место.

С жалостью цыганка ухаживает за Арсу. Она подкладывает ему под голову вместо подушки его потерявшую прежний вид шерстяную шапку, и продолжает какое-то время присматривать за спящим, спрятавшись за угол ближайшего дома, пока за Арсу не приходит его жена, или кто-то из прохожих, сжалившись, не отводит его домой.

* * *

Деревня никогда бы не появилась здесь, если бы не беда, которая заставила людей подняться с обжитых мест и отправиться в путь на поиск более спокойного и безопасного места. Так они пришли к озеру.

В древние времена считалось и что на этих берегах собирались феи. Их привлекала чудесная голубизна и прозрачность озёрная вода, в которой эти неземные создания могли не только любоваться своими отражениями, но и видеть в ней, как в зеркале, то, что не только смертным, а и волшебницам-феям не позволялось знать.

Феи со страхом, но и с любопытством, рассматривали в воде картины будущего, однако со временем, оберегая себя от возможного наказания высших сил, они удалились из этих мест.

Берега озера обрывисто спускались вниз. Лишь небольшая полоска суши, на которой зеленела невысокая влажная трава, изумрудно поблескивая на солнце, отделяла каменистый обрыв от воды.

Древний камень, что стоит на берегу, много веков омывала вода, обдувала ветры. Давным-давно, когда переселенцы только пришли в эти места, то воду для себя они черпали из озера, пока не заметили, что из под древнего камня бьёт чистый родник, вода которого почти тут же исчезала вновь в недрах земли. Люди считали, что она одной её ведомыми путями стекает в озеро.

В небольшом, с две ладони шириной роднике вода была более свежа и вкусна. Своей прохладой она холодила горло, когда утомлённые работой пахари припадали, становясь на колени, к крохотному бочажку губами, чтобы утолить жажду.

Даже в самые засушливые года, когда озеро от нестерпимой жары мелело, отступало дальше от исконных берегов, обнажая илистое, вязкое тёмное дно, родник всё так же продолжал радовать местных жителей спасительной свежестью своей влаги.

Двадцать домов возвели переселенцы на новом месте. Три дороги проложили они к своим дворам, которые образовали три перекрёстка, один из которых, северный, был назван Арсино.

Прадед Арсы, которого звали так же, как зовут сейчас правнука, — в честь своего славного предка он и получил это имя, — привёл своих земляков к озеру из приграничных земель государства. Он-то и установил камень у озера в знак окончания их странствования в поисках лучшей доли.

Не нашествие чужого враждебного воинства прогнало тогда людей от родных могил. Шесть лет засухи и последовавшие вместе с ней голод и болезни, смерти близких вынудили оставшихся в живых жителей трёх ближайших деревень собраться вместе и принять решение, во главе с Арсой, искать лучшей доли в других пределах. У Арсы к тому времени в живых из родни никого не осталось, кроме молодой жены и малолетнего сына.

Стар и млад склоняли головы перед Арсой, его решимостью спасти жизни тех, кто, по Божьей воле, ещё сохранил силы для неблизкого и неизвестного пути. Перед тем, как повести людей на поиски новых земель, не столь трудных и губительных для проживания, Арса встал на колени и горячо помолился перед иконой святителя, говоря: «Да поможет мне Господь Бог спасти оставшихся людей из наших деревень, найти для них благодатную свободную землю. А затем, если будет воля Твоя, то забери мою жизнь, возьми душу мою».

Так, после долгого странствования, измождённые трудной дорогой путники оказались в этом месте, где земля плодородна, а вода спасает поля от засухи.

Поначалу многих мучили сомнения: стоит ли здесь поставить своё жильё, или лучше идти дальше, продолжать поиски. Уставшие путники этого наверняка не знали. Возможно, место годится только для кратковременного отдыха. Люди хотели знать волю Божию. Потому, когда проснувшись утром после глубокого ночного сна, они увидели, как Арса отметил камнем место, где будет строить свой дом, они не стали роптать, а последовали его примеру.

И начала обживаться до этого бывшая пустынной земля у озера. Ведь где есть вода — там есть жизнь.

В первый день, как только путники подошли к озеру, то все они бросились в воду. Лишь Арса не последовал их примеру. Будто невидимая игла пронзила его сердце. Он услышал Голос в себе самом, который сказал, что будет Арса похоронен на этом месте. Он даже услышал свой собственный крик, когда настанет тот час смерти.

Арса села на землю и невольно залюбовался тем, что сейчас происходило в озере. Там кипела жизнь. Женщины, подоткнув подола длинных тёмных юбок за пояс, мыли детей и те радостно смеялись впервые за многие дни их изнурительного похода.

В той каменистой долине, рядом с небольшим обретённым озером с крутыми берегами, под солнцем, нежно греющим уставшие тела, люди постепенно избавлялись от прежней, так угнетавшей их сердца печали из-за потери родных могил, оставленных ими вдалеке домашних очагов. Омывшись в озёрной воде, они будто и все горькие воспоминания смыли со своих душ, приготавливаясь к новой жизни, ожидаемая радость которой уже заполняла их сердца.

Жена тоже пошла к озеру, умылась сама и умыла лицо ребёнка. А Арса сидел, надвинув шапку низко на брови, так, чтобы никто по его взгляду не мог понять, что происходило сейчас в его душе. Глубоко потрясённый услышанным, тем, что никто другой больше слышать не мог, Арса низко склонился к коленям, закрыл лицо ладонями, чтобы незаметно было его слёз, катившихся по щекам, и притворился спящим от усталости. Жена подошла к нему, неся на руках ещё мокрого после купания в озере сынишку, но подумала, что муж её, действительно, уснул, поэтому кивнула головой остальным людям, давая знать, чтобы не беспокоили Арсу, а сами начала устраиваться на ночлег.

Ночью над долиной раскинулось звёздное небо. Огоньки далёких планет отражались в тёмной озёрной глубине. Дымки потухающих костров лёгкими струйками поднимались вверх и там незаметно таяли, исчезали в темноте. Вокруг подёрнутых белёсым пеплом, но ещё кое-где краснеющих угольками от сгоревшего хвороста кострищ, спали обретшие своё новое пристанище люди, укутав потеплей, прижав к себе беззащитных, но старающихся освободиться от крепких и любящих родительских рук, детей.

Но даже ночь, так стремительно накрывшая долину, не принесла Арсе успокоения, хотя Голос, к которому он с душевным трепетом и вниманием прислушивался, давно умолк. Когда же все в лагере окончательно уснули, угли костров совсем погасли и ни одна струйка дыма не оживляла отдавших свой жар кострищ, Голос вновь, но на этот раз шёпотом, словно боясь ненароком разбудить спящих в долине людей, обратился к вожаку: «Арсений, Арсений!..»

Он понял — это озеро звало его.

Жена крепко спала рядом. Арса осторожно встал. Он посчитал, что это святой, который благословил его на дальний путь и заступничеством которого перед Богом ведомые им односельчане так благополучно перешли через горные кручи, зовёт его, чтобы был исполнен данный Арсой обет, расплатился собственной душой.

Будь что будет, решил Арса, и усердно помолившись Богу, направилась к воде.

Когда он вошёл в воду по колени, то оказался лицом к лицу с девушкой, мокрые и слегка волнистые волосы которой закрывали лодыжки, а белая рубашка прилипла к ногам. Она протянула руки, обняла Арсу и притянула к себе. Девушка показалась ему знакомой. Вода вокруг них забурлила, и Арса забылся, словно погрузился в беспмятный сон. Он даже не успел подумать: «Не фея ли это шутит со мной?».

Больше подобная ночь с Арсой не повторилась. Со временем он начал думать, что всё это ему приснилось, что это было «опьянение» его сознания близостью воды и обманчивым лунным светом.

Через девять месяцев девушка из Збегна, к тому времени живущая во вновь выстроенной деревне, родила ребёнка. Ни мать со слезами и угловорами, ни отец угрозами не заставили её рассказать, кто отец ребёнка. Однако по мере того, как мальчик рос, он всё больше и больше становился похожим на Арсу. Это замечали все, кроме него самого. Арса только несколько раз с удивлением смотрел на молодую женщину, мать ребёнка, которая проходила мимо него. В этот момент Арса как будто что-то смутно припоминал, и от этого неясного воспоминания по его телу пробежала дрожь. Арса удивлённо качал головой и продолжал дальше свой путь. О ребёнке он даже не думал, пока жена, уставшая от насмешек соседей, однажды, вытирая рушником слёзы, прямо не спросила — его ли это грех? Арса с чистой совестью и уверенно это отрицал. Ведь он никогда не имел ничего общего ни с одной из посторонних женщин, следовавших за ним в неведомые земли. Он всегда смотрел на них, как на своих сестёр.

Жена успокоилась, услышав правдивый ответ мужа, но сама невольно стала всё чаще возвращаться памятью к той первой ночи на берегу озера, когда она спала у погасшего костра, и вдруг во сне тоска пронзила её сердце.

Поначалу наспех построенная деревня, со временем всё расширялась и расширялась. Брёвен и камня для строительства хватало. В первое время ставили дома вдоль склона озера. Их располагали ступенчато, друг над другом.

Шло время. Арса всё подозрительнее смотрел на мальчика, отец которого был никому неизвестен. Ребёнок подрос и уже бегал за матерью, куда бы та ни пошла.

Однажды вечером Арса под навесом недостроенного дома дождался мать ребёнка и прямо спросил её о той памятной ночи: если он во сне ласкал фею, почему её ребёнок похож на него больше, чем его собственный.

Лучше бы он остановил дьявола. Девушка так расхохоталась ему в лицо, что Арса готов был провалиться под землю. Слегка наклонив голову в сторону, словно тяжесть перекинутой через левое плечо косы заставила её это сделать, она насмешливо глянула ему снизу в глаза.

— Ты остановил меня, чтобы спросить, с кем у тебя всё это было? Ай, да Арса!

Арса от боли и стыда прикусил усы, втянул голову в плечи и, пытаясь расстегнуть ворот рубахи, едва добрался до дома.

Он встал рано утром, чтобы никто случайно его не увидел, и отправился на горную дорогу. Вернувшись назад, он принёс для соседей хорошее известие.

Когда шёл по тропе, то недалеко от деревни свернул и сел на камень, чтобы собраться с мыслями. Тут услышал, как рядом что-то булькает. Раздвинув руками на земле мох и мелкие камешки, Арса открыл родник, вода в котором оказалась намного свежее, чем в озере.

Он нарёк обретённый источник Омутом.

Несмотря на то, что в деревне был ребёнок, выросший без отца, но очень похожий своим обликом на него, репутация Арсы, как старейшины деревни, осталась непререкаемой. Когда же он нашёл источник, то даже те немногие, кому не понравилось, что деревню построили на береговом склоне, увидели в Арсе знак милости Божией. С тех пор Арса стал пользоваться в деревне ещё большим уважением. Только кроме Магды, девушки, которая в одиночку растила сына. С того дня, когда она рассмеялась Арсе в лицо, всякий раз при новой встрече она насмешливо изгибала брови и недобро поджимала губы. Было в её глазах ещё что-то, что настораживало Арсу. Поэтому он держался от девушки подальше, стараясь лишний раз не попадаться ей на глаза.

Но хуже всего то, что у него не было мира с самим собой. Иногда Арсе казалось, что ребёнок, действительно его сын. Всякий раз, когда он видел его играющим с другими детьми, что-то в его груди отзывалось теплом и волнением. Но вспоминал ночь, в которую фея заманила его в воду, и тогда приходило осознание обратного — мальчик не мог быть его сыном. «Как бы там ни было, но в ту ночь в дело вмешалась неведомая сила из нашего или потустороннего мира», — думал Арса.

Однажды Арса возвращался от Омута с тяжёлыми вёдрами, полными воды. Магда шла ему навстречу. Он издали увидел её насмешливую улыбку. Но когда они поравнялись, девушка не остановилась, чтобы поздороваться и поговорить с Арсой, а только пристально посмотрела на него и прошла мимо, слегка коснувшись его плеча тяжёлой косой. И это прикосновение словно обожгло Арсу. Ему вновь показалось, что он услышал тот же шёпот, который однажды ночью привёл его к озеру: «Арсений, Арсений...».

* * *

Вернувшись домой, Арса утомлённо прилёг на кровать. Отвернувшись к стене, он будто заснул. На самом деле всю ночь он не сомкнул глаз, терзаясь воспоминаниями и сомнениями. Только перед рассветом его одолел сон. Тогда и послышался Голос, наполнивший его собой, как вода наполняет пустой сосуд. Это был тот самый Голос, который однажды привёл к озеру.

Арса чувствовал, что в нём открываются неведомые ранее глубины. Тело его дрожало. Затем медленно пришло успокоение. Когда он это почувствовал, то встал с постели и тихонечко вышел из дома.

Нашли его на северном перекрёстке, от которого дороги идут в три стороны, и одна из них мимо Вртлога. Арса лежал неподвижно, закрыв глаза, как будто спал. Одежда на нём была сухая, но под ней, как на утопленнике, нашли мокрые озёрные водоросли. На мёртвых губах застыла улыбка.

Так и не узнав, что на самом деле произошло, соседи похоронили Арсу. А перекрёсток с тех пор зовётся перекрёстком Арсы.

Арса гордился историей своего прадеда, основателя деревни, которая хоть и оставалась маленькой и бедной, но выжила. Со временем озеро несколько обмелело.

Пока Арса не начал пить, то также как и прадед, был примерным хозяином, красивым и трезвым человеком. Поэтому его часто сравнивали с отцом и дедом. В деревне есть ещё один дом, жители которого по фамилии Магдичи считали себя потомками Арсы. Хотя Арсичи за Магдичами никогда не признавали этого права. Но потомки двух родов были похожи друг на друга, их старейшины следили за тем, чтобы кровь их детей не смешивалась, считая её родственной. Арса же пренебрёг этим правилом, взял жену из рода Магдичей. Никто его по этому поводу не беспокоил, потому что, если это было родство, то за многие десятилетия кровь достаточно смешалась с кровью других родов. Будучи упрямым и своенравным, он всё равно взял бы в жёны только любимую женщину.

Хотя со времени женитьбы в нём всё-таки поселилось непонятное беспокойство, которое мучило бессонницей, прогоняло из дома. Поэтому Арса и проводил больше времени с друзьями ещё холостяцких времён, чем в семье. Даже после первых дней их супружества, когда был зачат сын, он стал относиться к жене как брат. Она же с типичным для женщин её рода терпением и молчанием смирилась с этим. Так и остались жить под одним кровом. И всё было бы у них хорошо, если бы дьявол однажды летом, три года спустя, не надоумил Арсу посреди ночи искупаться в озере.

Воздух ещё не остыл после дневной жары, а охлаждённое вино, которое купцы привезли в тот день в деревню, скорее согревало, чем утоляло жажду, поэтому весёлая компания решила освежиться в озёрной воде.

К тому времени, когда они достигли берега, луна, до того освещавшая особенным, таинственным светом долину, скрылась за облаками. Всё пространство погрузилось во тьму. Друзья перестали купаться. Один Арса оставался в воде. И тогда он почувствовал прижавшееся к нему тело. Арса подумал, что это кто-то из друзей шутит над ним. Но в следующий момент в своих объятиях он почувствовал женщину, и оттого сдался овладевшей им страсти. Вода вокруг них закипела.

Когда луна снова взошла, его руки были пусты. Он услышал, как товарищи в панике зовут его, бегая вокруг озера. Всю дорогу домой они смеялись над его рассказом о девушке в озере. Когда и на следующий день он начал рассказывать то же самое, смех перешёл в насмешки, и Арса замолчал. Он понял, что никто и никогда в деревне не поверит в правдивость его рассказа.

Со временем жители деревни стали замечать — Арсу что-то сильно беспокоит. И это не были их грубые шутки или насмешки друзей. Люди давно перестали над ним смеяться. Они пытались убедить соседа, что встреча с девушкой в озере ему пригрезилась.

Днём, слушая возражения знакомых, Арса склонялся к мысли, что действительно на озере с ним ничего не произошло. Но оставаясь один ночью, он заново переживал те чувства, что и тогда в воде и вновь слышал зов: «Арсений, Арсений...»

Иногда он вставал с постели, шёл на берег, но ничего там не видел, что бы напоминало купающуюся в воде девушку. А зов неизменно повторялся каждую ночь, кроме тех случаев, когда он был пьян. Тогда Арса ничего не слышал и мог петь, танцевать, где угодно спать. В этом состоянии он был свободным. Оттого пил всё чаще и чаще.

Когда соседи видели, как Арса, шатаясь из стороны в сторону и спотыкаясь на неровностях дороги, идёт из города к перекрёстку Арсы, одна из дорог которого вела к его дому, люди с сожалением пожимали плечами и думали: «Может, ему тоже, как прадеду и тёзке, суждено оставить свою душу на распутье. Кто знает, как и чем в своей жизни они заслужили себе такую судьбу?».

* * *

Магда всегда пристально смотрела на Арсу, если тот оказывался рядом. Цыганка, когда был он ещё свободным парнем, часто приходила в дом к его матери с сумкой, полной разноцветных шарфов. А однажды, ради шутки, взяла в руки его ладонь, посмотрела на неё — и отпрянула. Магде показалось, что на ладони линии двух мужских судеб соединились одной женской, сливались в одну главную линию, над которой сверху поднимался туман, а снизу угрожающе наступала вода. До этого цыганка никогда не видела такой ладони, потому не могла правильно разгадать, что зашифровано в линиях судьбы, запечатлённых на ней.

Несмотря на это, Магда всё ещё хотела быть женщиной Арсу, потому терпеливо ждала, когда и он захочет того же. Такой час настанет, в этом цыганка была уверена. Она мысли не допускала, что может выйти замуж за кого-то другого.

С тех пор, как Арса женился, она обходила его дом стороной, да и в деревне стала бывать реже. Он всегда был одиноким человеком, но никогда не пил. А тут уж раз начал, то меры не знает. Если Арса продолжит так пить вино, то уничтожит всё, что с таким трудом и лишениями приобрели его предки, а если от этого умрёт, то сын проклянет отца-пьяницу. Потому Магда и стала приходиться каждую субботу в деревню, чтобы незаметно наблюдать за Арсой. Если он пьяный сразу пойдёт домой, что случалось совсем редко, или кто-то другой, сжалившись над непутёвым пьяницей, подберёт его в пыли на обочине и отвезёт к родному двору, тогда цыганка, успокоившись, уходила из деревни. Если он оставался у дороги один, она затаивалась невдалеке и следила, чтобы

с Арсой ничего плохого не случилось, и как могла, по возможности, заботилась о нём.

Однажды в разговоре с женщинами она услышала рассказ о судьбе его прадеда, который расстался с душой на распутье, а не в своей постели. Такой же участи, видимо, не миновать и Арсе.

В тот день цыганка, как обычно, на ночь устроилась на сеновале на окраине деревни. Этим ночлегом она пользовалась с молчаливого согласия односельчан. Магда не ушла из деревни, хотя в этот раз у неё плохо покупали шарфы. Она не столько занималась торговлей, сколько расспрашивала местных жителей и прислушивалась к чужим разговорам, когда люди говорили о Магдичах, о том, как Арсичи собрали воедино историю прадеда Арсы, чья жизнь с самого прибытия в эти края определялась волей озера.

Когда цыганка услышала о том, что Арса купался с обнажённой девушкой, она поняла, почему он пьёт, да и те знаки, что увидела на его ладони, расшифровала. После этого Магда долгое время не показывалась в деревне. Она отправилась к своей семье, к женщинам, владеющим тайными знаниями, дабы найти спасительное лекарство для Арсы.

В деревню Магда вернулась на исходе весны, когда солнце уже обещало наступление жарких дней. Она снова поселилась на знакомом ей сеновале. Деревенские жители смотрели на это равнодушно, потому что знали цыганку с тех самых пор, как она маленькой девочкой бегала по их улицам, стараясь не отстать от матери. Кроме того, она всем гадала по руке и продавала не дорогие, но красивые шёлковые шарфы. Жители деревни знали — девушка не причинит им никакого вреда. А раз так, то пусть живёт на сеновале сколько ей угодно. «Сено на спине она не понесёт», — доброжелательно говорили они про Магду.

Девушка в деревню вернулась изменившейся. Как всегда опрятная, увешанная недорогими украшениями, но теперь от неё пахло особенными духами. Оттого местные женщины стали смотреть на неё с некоторым подозрением, а кое-кто из мужчин с радостью впустил бы на ночь цыганку не только на сеновал, но и в свой дом. Однако Магда предпочитала именно сеновал. Тут она была в безопасности. Нож за поясом, маленький и острый, злой как змея для всякого мужчины с дурными намерениями, надёжно охранял её покой. С этим своим охранником девушка никогда не расставалась. Да и тот огонь, что вспыхивал во взгляде, когда кто-нибудь осмеливался её оскорбить недостойным предложением, навсегда отпугивал от цыганки злобных и нечестивых людей.

До этого лета, чтобы обезопасить себя, Магда прятала свою красоту за неприглядной одеждой. Она покрывала красивые пряди волос неброским платком и спокойно шла от дома к дому, не опасаясь завистливых взглядов. Но на этот раз всё изменилось в её внешности.

Цыганка приехала в деревню в пятницу. В субботу она дождалась, когда пьяный Арса пришёл из города, и так, чтобы никто не увидел, повела его к сеновалу. Он шёл покорно, как ребёнок. Магда чувствовала по его замутнённому взгляду, что он всё-таки узнал её. Арса проспал на сене до наступления ночи. Он тихо дышал, и потому девушка знала, что он жив. Арса проснулся, когда совсем стемнело, с удивлением и сердито огляделся по сторонам. Он привык к тому, что его пьяного на дороге подбирали знакомые и незнакомые люди, но они всегда довозили его домой, чтобы дальше о нём заботилась жена. Сейчас же место казалось ему незнакомым.

Магда осторожно подкралась к нему и привлекла к себе. Когда же Арса ошеломлённый близостью её тела, запахом её волос страстно обнял девушку, тогда цыганка нежно прошептала ему в самое ухо: «Приходи сегодня вечером к озеру...».

В ту субботу Арса пришёл домой позже обычного совершенно трезвым.

Он не мог дожидаться наступления ночи. Но когда стемнело и в деревне давно не светилось ни одного окна — все её жители крепко спали — до него неведомо откуда донёсся Голос, в котором слышалось всё, что когда-либо ранило его сердце. Этот Голос одновременно вобрал в себя голоса всех тех, кого Арса когда-либо любил. Время для него, казалось, остановилось, и только Голос говорил о его жизни, предвещал её исчезновение, о многих человеческих судьбах и в отдельности о его судьбе.

Потрясённый услышанным, борющийся со злыми предчувствиями и беспокойствами, которые, чем ближе он подходил к озеру, тем ошеломлённее действовали на Арсу, он, тем не менее, продолжал приближаться к берегу. Там никого не было. «Цыганка обманула меня», — подумал Арса. И тут же услышал знакомое: «Арсений, Арсений...»

Измученный годом бессонницы и ещё одним годом тщетных надежд, он вошёл в воду, хотя знал, что никогда больше не выйдет из неё.

Луна спряталась за непроницаемые чёрные тучи. Тьма накрыла землю. Звон в ушах Арсы становился всё громче и громче.

«Я схожу с ума», — подумал он.

Начало лета. Вода ещё холодна. Арса начал замерзать, дрожь сотрясала его тело. Женские руки обвили его шею. Обнажённая и мокрая девушка прижалась к нему, как в ту удивительную ночь. И снова послышался Голос, на этот раз словно поднимающийся из самой воды.

Прежде, чем вода вокруг них закипела, Арса крепко схватил озёрную фею, поднял её на руки и понёс на берег, стряхивая с себя мокрые и липкие водоросли, обвивавшие его ноги и словно пытавшиеся удержать, утянуть обратно на глубину.

Когда он выбрался на сушу, Голос медленно затих и вовсе исчез, вернувшись в воду и тьму.

Арса долго целовал девушку, влажно и сладко, а когда снова взошла луна, то увидел в широко раскрытых глазах Магды, что она уже поняла — он завоёван ею.

Магда три вечера купалась в озёрной воде, прежде чем заманила Арсу. Когда она подошла к воде впервые, то сняла самую красивую юбку, которая у нее была, красную, тканую золотом, оставила её посреди перекрестка и прижала камнем. Юбка обернула трёхветвистым кизилом, который Магда положила рядом с Арсой в ту субботу, пока он пьяный крепко спал, чтобы дерево могло принять его запах и форму его тела. Кизил в человека, оцепеневшего от пьянства и сна, вселяет часть той силы, с помощью которой дерево всегда побеждало нечестивые силы.

Магда оставила его на перекрестке в обмен на них двоих. Как замена и как искупление.

Арса, как и его прадед и тёзка, был прикован женскими чарами и древними заклинаниями к озеру, которое узнало его по родству и имени, привлекло к себе. И она, Магда, придя от перекрестка, с силой женщины и тайным знанием встала между ним и озером. Ведь так было написано на его ладони. И спасла Арсу.

После той ночи Арсе больше никогда не являлся Голос. Он бросил пить. Но хорошим мужем и примерным хозяином так и не стал, хотя этого соседи от него ожидали.

Всего несколько недель спустя, в середине лета, он уехал вместе с Магдой, следуя по одной из трех дорог от перекрестка Арсы. Ни тот, который идёт к его дому, ни тот, который ведёт к Водовороту.

Он выбрал третий путь, тот, который ведёт к жизни.